

ГУБЕРНАТОР КАК ЖЕРТВА КОНФРОНТАЦИИ КОРОННОЙ ВЛАСТИ, ГУБЕРНСКОГО ДВОРЯНСТВА И «ЛОКАЛЬНОГО» ОБЩЕСТВА (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

А.Н. Бикташева

Национальный исследовательский университет –
Высшая школа экономики,
кафедра политической истории
E-mail: biktashi@mail.ru

В статье анализируются специфика взаимоотношений, сложившихся между казанскими губернаторами и представителями корпоративных дворянских учреждений – губернских собраний. Вскрываются причины прямой конфронтации и ее последствия.

Ключевые слова: Казанская губерния, губернатор, дворянское собрание, предводитель дворянского собрания.

GOVERNOR AS VICTIM: CLASHES OF PROVINCIAL NOBILITY, LOCAL SOCIETY AND CENTRAL POWER IN THE FIRST HALF OF 19TH-CENTURY

A.N. Biktasheva

In the article the specificity of mutual relation between the Kazan governors and representatives of the corporate establishment (province nobility assembly) is analyzed. The reasons of a straight confrontation and its consequence are revealed.

Key words: Kazan province, province nobility assembly, the leader of nobility assembly.

Начало XIX в. – время адаптации заимствованной из Западной Европы министерской системы управления на русской почве. Когда в жестком противостоянии местного дворянства и верховной власти определялся социальный статус губернатора, ресурсы его власти и доступные ему рычаги управления регионом. В статье рассматривается история этого противостояния на архивных материалах Казанской губернии, отличающейся особо острым конфликтом губернаторов с предводителями дворянства. Основу источникового комплекса составили письменные доносы, посту-

пившие из Казани в Сенат, а также материалы, проведенных по ним сенаторских ревизий. Они дополнены законодательством, определяющим полномочия губернаторов, а также делопроизводительной документацией, зафиксировавшей механизм отставки начальников Казанской губернии.

Специфика исследуемых источников порождена их статусом в политической культуре России первой половины XIX века. В начале столетия донос был не просто уведомлением государственных органов о нарушениях или противозаконных действиях («отражением социальной и политической реальности»), но и формой участия обывателей в управлении империей. В отличие от Павловского времени данная практика общения верховной власти и подданных носила не индивидуальный характер («царь и ходатай»), а была встроена в министерскую систему управления, внутри которой Сенат приобретал статус института административной юстиции.

На жизни губерний это отразилось в проведении регулярных сенаторских ревизий. Сохранившиеся материалы таких проверок первой четверти XIX в. свидетельствуют, что империя была пронизана диалогами власти с обществом и властей разного уровня друг с другом. Участниками обсуждения административных проблем становились император, олицетворявший «верховную власть»; центральные органы, отождествлявшиеся с «мнением» Сената и Комитета министров; сенатские ревизоры, служащие министерств. В помещичьих губерниях, где власть делилась на коронную и корпоративную, в этот диалог вступали губернаторы, губернские предводители дворянства, а также частные и должностные лица, обращавшиеся с доносами и жалобами в вышестоящие инстанции и непосредственно к «Высочайшему имени». Результаты усвоения этого канала связи между обществом и органами государственного управления в значительной мере способствовали адаптации правительственных намерений к обстоятельствам и реалиям отдельного региона.

Вместе с тем, анализ материалов сенаторских ревизий по Казанской губернии, а также число уволенных по их результатам губернаторов, убеждают в том, что ресурсы власти, которой они были наделены, не позволяли им преодолеть давление противников и самостоятельно разрешить административные кризисные явления. В конфронтации губернатора и предводителя дворянства, губернской администрации и корпоративных органов управ-

ления столичные ревизоры неизменно принимали сторону местной элиты. В правление Николая I ситуация изменилась кардинальным образом. В этот период поставщиком информации для верховной власти стал корпус жандармских офицеров, высвечивающий локальные ситуации в специальных донесениях. Верховная власть перестала быть восприимчивой к «частным» голосам, в том числе и к общественным оппонентам губернатора. Начальник губернии стал рассматриваться как объект покровительства и защиты официального Петербурга. Изменение способов контроля за административным аппаратом и политических установок верховной власти связано не только с личностью императора и его персональными тактиками властвования, но и опытом наблюдения, изучения и разрешения губернских конфликтов.

В одной только Казанской губернии они вспыхивали один за другим, порождая кризисы власти. В 1801 г. на имя императора пришел донос за подписью подпоручика А. Унгебаура на казанскую полицию, которая для получения признаний, якобы применяла жестокие пытки. Для выяснения обстоятельств дела в Казань был направлен флигель-адъютант царя, подполковник барон П.Р. Альбедиль. По результатам его расследований военный и гражданский губернаторы П.П. Пущин и А.И. Муханов были освобождены от должности – первый «за превышение власти», второй за «бездействие»¹. В 1803 г. по результатам ревизии сенатора И.Б. Пестеля был уволен и осужден «за допущенные беспорядки и злоупотребления» губернатор Н.И. Кацарев. Сенаторская ревизия была вызвана доносами вице-губернатора Н.И. Ивановского и поручика Якова Исакова², к делу прилагались жалобы отдельных дворян, полицмейстера Низякова, советника губернского правления Гернера, рапорты губернского прокурора А.Н. Овцына. После смерти в 1814 г. компромиссного губернатора Б.А. Мансурова в Казани вновь началась административная перетасовка. Один за другим были лишены губернаторской должности: Ф.П. Гурьев, И.А. Толстой и П.А. Нилов. Этот кризис губернского управления был порождён проведением очередной всеобъемлющей сенаторской ревизией 1819–1820 гг. по доносу ка-

¹ РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 755 «О суждении бывших в Казани губернаторов военного – Пущина и гражданского – Муханова <...> за бесчеловечные подсудимым пытки».

² Там же. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 379 «О беспорядках и злоупотреблениях по Казанской губернии».

занского губернского предводителя дворянства³. Каждый раз увольнение присланного из Петербурга губернатора оказывалось результатом его конфликта с местной дворянской «партией». Соединение в единый нарратив доносов, следственных дел, делопроизводственной документации и материалов ревизий позволило восстановить обстоятельства увольнения губернаторов и осмыслить характер отношений верховной власти, местных элит и общества в исследуемый период.

Особенно жестким противостояние представителей коронной власти и казанского дворянства было с 1814 г. до середины 1830-х годов. За этот период сменились шесть губернаторов, трое из которых были уволены с отдачей под суд. Официально П.Ф. Гурьев был осужден «по подозрению во взятке», И.А. Толстой «за злоупотребления властью», П.А. Нилов «за превышение власти». При этом в материалах каждого отставленного губернатора письменно зафиксирована ключевая для моего исследования причина, сделавшая их жертвой – «личные неудовольствия не только между частными лицами, но и между облечёнными званием службы, чему служат доказательством прения по выборам дворянским». Факт противостояния губернского предводителя дворянства Г.Н. Киселёва любому присланному из Петербурга ставленнику фиксировали не только ревизоры. О нем официально сообщил в служебном рапорте казанский губернский прокурор, доктор юридических прав Г.И. Солнцев⁴. Рапорт этот был написан в 1830 г. по настоянию Николая I. Прокурор пояснял, что на период правления каждого осужденного губернатора приходились очередные дворянские выборы, «по коим некоторые дворяне, на службу избираемые начальниками губернии по разным случаям не были утверждаемы, а вместо оных определяемы губернским правлением коронные чиновники»⁵. По мнению губернского прокурора, в этом заключалась причина обстоятельств паралича власти в Казанской губернии.

Итак, первый конфликт произошёл между губернным предводителем дворянства надворным советником Григорием Никифоровичем Киселёвым и вице-губернатором Федором Петровичем Гурьевым, исполнявшим обязанности гражданского губернатора. Гурьев имел все основания для получения должности казанского губерна-

³ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 185. Л. 114–115.

⁴ ГАРФ. Ф. 109, 1 эксп., 1831 г. Д. 529. Л. 50–54.

⁵ Там же.

тора. Он был молод, энергичен, состоятелен, мог претендовать на поддержку высокопоставленных и влиятельных родственников в столице. Вероятнее всего, среди местного дворянства появились свои выдвиженцы на этот пост. Во всяком случае, логика последующих событий убеждает в правомерности этого предположения. Отечественная война 1812 г. вернула в родовые не разоренные французами поместья многих столичных обитателей. Среди таковых оказался и бывший астраханский губернатор князь Дмитрий Васильевич Тенишев. В этот период он активно искал возможности возобновления статской службы. Кончина Б.А. Мансурова в 1814 г. предоставляла такую возможность, но не только ему: интересы Тенишева совпадали с интересами вице-губернатора.

На посту исполняющего обязанности казанского губернатора Ф.П. Гурьев начал активно бороться с застойными проявлениями местной администрации. Особое внимание он уделял части полицейской, так как перемещения по казанским дорогам стали небезопасными. Печальную статистику убийств и грабежей купцов и простых обывателей постоянно пополняла московская дорога при выезде из Казани в Свияжск⁶. Земская полиция не справлялась с потоком преступлений. Гурьев решил лично возглавить борьбу с криминалом на этом участке Казанского уезда. Когда в восемнадцати верстах от Казани было обнаружено пять трупов, создали специальную комиссию, которая пристально следила за событиями в селе Ягодном у порохового завода, что в трёх верстах от города. Предполагалось, что именно здесь находятся подозреваемые убийцы. Каждую ночь губернатор объезжал учреждённые им пикеты, и через 15 дней преступники были пойманы. Тем самым, глава губернии укорял в недобросовестности чиновников земского суда и исправника: ведь «если он будет деятелен и беспристрастен в изысканиях, то уезд, вверенный ему, будет всегда спокоен»⁷. Безусловно, это касалось всей губернии. Порядок в уездах во многом зависел от выборного кадрового состава земских начальников. Решить проблему без участия дворянства губернатор не мог, поэтому изменение положения дел в уездах зависело от слаженности организации дворянских выборов по замещению этих уездных должностей.

Ф.П. Гурьев на дворянских выборах со свойственной ему прямоотой продемонстрировал независимость и самостоятель-

⁶ НА РГ. Ф. 168. Оп. 1. Д. 275. Л. 1-2.

⁷ Там же. Д. 32. Л. 3.

ность суждений. В соответствии с указом 4 февраля 1803 г. по Казанской губернии баллотировались 14 представителей дворянского сословия на «общую по государству службу», а утверждены были губернатором только семеро из них. Руководствуясь законным правом, он не утвердил наиболее одиозные кандидатуры на должности исправников и чиновников земских судов. Это послужило поводом для жалоб губернского предводителя дворянства Киселёва «о не утверждении губернским начальством избранных на следующее трёхлетие чиновников», направленных в Сенат и другие ведомства⁸. Сенат потребовал «надлежащего объяснения» от губернатора, «дворянству учинить равномерно же замечание», поскольку действительно были допущены к баллотированию лица, не имевшие по закону на то право.

Приведём объяснения Ф.П. Гурьева, данные обер-прокурору Сената графу Салтыкову. «Милостивый государь! Все старания мои и усердие было показать в дворянском собрании на нынешнее трёхлетие мою беспристрастность, и, не уклоняясь ни мало от законов и Высочайшего Учреждения, я совершил его. Казалось бы, дворянскому собранию оставалось только чувствовать удовольствие, видя, что достойные люди утверждены, и никак не принимать в оскорбление, если на кого моё утверждение не могло быть. Не я их не утверждал; но законы не дали им права быть утвержденными. <...> Имея строгое предписание от господина министра внутренних дел сего года от января за № 72, мною полученное, о недопущении к выборам невнесённых в Дворянскую родословную книгу, которое в копии от меня было препровождено Дворянскому собранию <...>. Господина губернского предводителя убеждал, чтобы в исправлении земских судов выбор был на людей совершенно опытных по службе, и не замеченных никак в пороках. В десятилетнее правление покойного губернатора Мансурова, сколько было грабежей и убийств, но открыто очень мало. Послабление исправников давало защиту виновным и от того всякое почти убийство предавалось суду и воле Божьей. В моих замечаниях, представленных при донесении Правительствующему сенату изволите усмотреть, имел ли я право согласиться на утверждение дворянством избранных, замеченных по суду в послаблении и попусшении к виновным по следствиям оказавшихся в пьянстве, буйстве, лихоимстве и дерзостных поступках.

⁸ РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 5. Л. 1-24; НА РГ. Ф. 168. Оп. 1. Д. 32. Л. 1-59.

Какой пример для вверенного ему уезда, и может ли под начальством такового, быть спокоен разноплеменной народ, населяющий уезды отдаленных губерний? Основываясь на сем рассуждении, я семерых не мог согласиться утвердить, в том числе уездного судью Палицына, которого нетрезвая жизнь и предсудительные поступки также отклонили меня на его утверждение»⁹. Должностное письмо завершалось просьбой: «При слушании дела в Правительствующем Сенате, если Вы изволите меня найти совершенно правым, то поставьте на вид циркулярно губерниям мою справедливость, и чтобы Дворянское собрание при своих отступлениях от правил, дворянству в Высочайшем Учреждении изложенных, не могло и впредь делать свои несправедливые жалобы на Начальника Губернии и укорять его в оскорблении той деятельности, которую он удостоен, управляя Высочайшим соизволением вверенною ему Губернию». В заключение он выражал сожаление, что «лучшее Дворянство» при выборах не присутствовало. К ним он относил тайного советника Федора Федоровича Желтухина, генерал-майора Энгельгардта и Николая Михайловича Пушкина. По его убеждению, они отговорили бы губернского предводителя надворного советника Киселёва от подачи жалобы. К сожалению, Сенат и министерства никак не отреагировали на этот тревожный сигнал о создавшемся в Казани «двоевластии».

Суть конфликта заключалась в стремлении начальника губернии на обозначившиеся вакансии назначать чиновников от правительства, а это воспринималось дворянством как ущемление их корпоративных прав. Думается, Гурьев намеренно стремился заполнить вакансии коронными чиновниками, чтобы осуществить прорыв в организации «тишины и порядка» в губернии, пока часть казанского дворянства находилась в ополчении и не вернулась с театра военных действий. Так или иначе, своими посягательствами в выборные дела дворян он себя им противопоставил. Все эти активные действия можно объяснить желанием утвердиться на посту казанского гражданского губернатора, исполняя свой долг перед государем. Но Сенат принял сторону предводителя дворянства. 5 августа 1815 г. было вынесено строгое замечание казанскому вице-губернатору «за нанесение губернскому предводителю неудовольствия по выборам», что

⁹ НА РГ. Ф. 168. Оп. 2. Д. 52. Л. 1–2.

значительно усилило оппозиционные настроения местного дворянства, стимулируя дальнейшее развитие противоборства.

Вероятно, подобный случай сенатской опеки в обход полномочий Министерства внутренних дел не был единственным. Реакция правительства проявилась в новом узаконении «о выговорах и замечаниях губернаторам», появившемся в 1816 г. в защиту начальников губернии¹⁰. Отныне выговоры должны были происходить «единственно от лиц министров и за их подписанием, извещая каждый раз о сем Комитет министров для сведения. А министру юстиции доводить равным образом до сведения Комитета, когда подобные замечания или выговоры будут деланы от Правительствующего Сената». Сила этого указа уже не могла восстановить репутацию Гурьева. К тому времени он находился под судом по обвинению казанского помещика Мосолова во взятках. В сенатском архиве его дело получило характерное название – «О ложном обвинении титулярным советником Мосоловым казанского вице-губернатора Гурьева во взятках»¹¹. Этот случай демонстрирует применение технологии избавления от нежелательного претендента на губернаторское кресло путем обвинения его во взяточничестве. Казань ожидали нового губернатора.

Таковым стал граф Илья Андреевич Толстой (1757–1820) бывший флотский гардемарин, вышедший в отставку в чине бригадира Преображенского полка более двадцати лет тому назад. Женат он был на княжне Пелагее Николаевне Горчаковой, получив при этом к своим трем еще девять имений за женой и три винокурных завода. Столичная знать хорошо знала графа, он был одним из старшин Английского клуба, служившего главным центром общественной жизни старой дворянской Москвы¹². О дедушке по линии отца Лев Николаевич Толстой имел своё представление: «Дед мой был, как я его понимал, человек ограниченный, очень мягкий, веселый и не только щедрый, но бестолково-мотоватый, а главное – доверчивый. В имении его Белевского уезда Полянах, – не Ясной Поляне, но Полянах, – шло долго не перестающее пиршество, театры, балы, обеды, катанья, которые, в особенности при склонности деда играть по большой в ломбер и вист, не умея играть, и при готовности давать всем, кто

¹⁰ ПСЗ-1. № 26493.

¹¹ НА РГ. Ф. 168. Оп. 2. Д. 46. Л. 1–49.

¹² См.: Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год. М., 1954. С. 18.

просил, и займы, и без отдачи, а главное, затеваемыми аферами, откупам, кончилось тем, что большое имение его жены все было так запутано в долгах, что жить было нечем»¹³. Так Илья Андреевич прожил все и вынужден был через влиятельных родственников вновь хлопотать о службе. В 58 лет, не имея должного опыта, он становится казанским гражданским губернатором. Его губернаторство началось страшным пожаром, поглотившим большую часть города, что не предвещало хорошего начала, да и положение дел в губернии оказалось непростым. Во время предыдущего правления обострились внутренние противоречия в чиновничьей среде. «Сообразуясь с духом господина казанского губернского предводителя Киселева раздраженным личными с господином гражданским губернатором неудовольствиями...»,¹⁴ Толстой сразу оказался в центре конфликта с местным дворянством. Многих раздражал его образ жизни, да и мотив его назначения казался очевидным. Вдохновителем и организатором оппозиционных настроений стал князь Дмитрий Васильевич Тенишев (1766–1829 гг.). Со слов В.И. Панаева это был очень умный, богатый, дельный человек, имевший столичные связи и влиятельные знакомства¹⁵. Его отец был известным казанским губернатором, сам он после 14-летней службы в гвардейском Преображенском полку начал статскую службу в качестве казанского вице-губернатора. Затем становится астраханским губернатором, но был уволен и отдан под суд «за упущения по случаю эпидемии». Через два года Сенат нашел его невинным¹⁶, но этот горестный урок несправедливой отставки оставил в нем недобрые воспоминания. Если учесть его богатейший административный опыт, затаенную обиду, конкурентное неприятие Толстого, то вполне можно предположить о его претензии на казанское губернаторство.

Начиная с 1817 г., губернский предводитель Киселёв постоянно отписывал жалобы в Сенат, министру юстиции о прениях относительно отдельных кандидатов по дворянским выборам, о нарушениях указа о выборах 1803 года. Открытый конфликт между губернатором и предводителем дворянства произошел, по видимому, на очередных дворянских выборах в марте 1818 года.

¹³ Гусев Н.Н. Указ соч. С. 20.

¹⁴ НАРТ. Ф. 168. Оп. 1. Д. 633. Л. 2.

¹⁵ См.: Воспоминания В.И. Панаева // ВЕ. 1867. Т. 4. С. 114.

¹⁶ Архив Государственного Совета. Т. 3. Царствование императора Александра I (1801–1810). СПб., 1878. С.124–128.

Об этом имеется ряд свидетельств: «у господина казанского губернского предводителя Киселева произошли с бывшим казанским гражданским губернатором неудовольствия, и от первого, то есть – предводителя, сделан донос якобы о возникших по губернии злоупотреблениях от местного начальства»¹⁷; «господин Киселев, будучи во вражде с господином губернатором, употреблял все способы нанести всем служащим под его начальством прискорбие или самое несчастье»¹⁸. Однако обращение Киселёва в Сенат уже не приносили былого эффекта (как в случае с Гурьевом), поэтому был написан донос на имя графа А.А. Аракчеева, возглавлявшему Собственную Его Императорского Величества Канцелярию.

На заседании Комитета министров 8 июля 1819 г. граф А.А. Аракчеев зачитал донесение казанского губернского предводителя о злоупотреблениях местного начальства в уездах Казанской губернии по дорожному сбору. По мнению Киселева «только личное исследование доверенной особы может ясно открыть поведение тамошнего местного начальства». К доносу прилагалась записка с распоряжениями губернского начальства, из которой явствовало, что мосты строятся чрез подрядчиков чрезвычайно дорого, завышаются расценки на установку придорожных столбов и т.д.¹⁹. По докладу Аракчеева Комитет министров рекомендовал на командирование в Казань двух сенаторов – тайных советников С.С. Кушников и графа П.Л. Санти. Донос на дорожную повинность оказался хорошо продуманным. Само существование барщины в пользу государства порождало произвол местных властей при раскладе повинностей. Не было никакой справедливости и порядка в распределении дорожной повинности между помещиками и крестьянами. Никто не следил за правильностью нарядов. По всей России дорожная повинность была одною из самых тяжелых и давала все способы к «притеснениям».

С 12 октября 1819 г. начался осмотр губернии и только через десять дней ревизоры прибыли в Казань. Было принято решение об «организации особого расследования» по уездам губернии. Список следователей для производства дознания было поручено составить предводителю дворянства Г.Н. Киселёву. Таким образом, следователями стали представители той самой корпорации, донесению кото-

¹⁷ НАРТ. Ф. 168. Оп. 1. Д. 636. Л. 2 об.

¹⁸ Там же. Д. 633. Л. 2.

¹⁹ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 185. Л.114–115.

рой была обязана инициативною ревизия над управлением Толстого. Изначально все эти приготовления были не в пользу губернатора.

С октября 1819 г. по апрель 1820 г. 29 следователей произвели предварительные дознания, вскрыли факты злоупотреблений, беспорядок в ведении дел, нарушения финансовой отчетности. 14 делегированных следователей сами допустили предвзятость в ведении дел и были отданы затем под суд. Собранный материал лег в основу итогового отчета сенаторов²⁰. Ревизоры рекомендовали императору учредить в Казани «Временный следственный комитет» из представителей местного дворянства для рассмотрения и решения следственных дел. 5 февраля 1820 г. был уволен губернатор Толстой, не пережив тяжести предъявленных обвинений, он вскоре скончался.

В тот же месяц по именному указу была создана «Временная Комиссия»²¹. Ее возглавил Д.В. Тенишев. В команду князя вошли бывшие его сотрудники периода астраханского губернаторства. Статский советник Лохтин служил при нем губернским советником, коллежский советник Кушлин советником Уголовной палаты, титулярный советник Афанасьев был секретарем председателя той же палаты. Кроме перечисленных чиновников в комиссии состояли коллежский советник Попов, полковник Мергасов и подполковник Евсевьев. Но «почетнейшие дворяне» не торопились на деле поддержать инициативу верховной власти на скорейшее завершение расследований. Князь Тенишев в этот период находился в зените своих возможностей. Ревизия принесла ему желаемые результаты: был смещен неудобный губернатор, а также все местное правительство, изменен руководящий состав губернской администрации, от него зависели судьбы отданных под суд, ему покровительствовали сенаторы-ревизоры. Желаемое было достигнуто, он не торопился утруждать себя работой. Но время шло, на Комитете министров граф А.А. Аракчеев прозорливо заметил: «Кажется, здесь беспорядки, ибо комиссия по сие время еще не приступала к делу, а все входит с новыми требованиями»²².

Прибывший в Казань новый гражданский губернатор Петр Андреевич Нилов, должен был разобраться с этими «беспорядка-

²⁰ РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 181. Л. 1–79. «О ревизии господами сенаторами Казанской губернии 1819 г.»; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 253. Л. 329–352. «О предании суду чиновников Казанской губернии».

²¹ ПСЗ-1. № 28167.

²² Середонин С.М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902. Т. 1. С.448.

ми». Последние события значительно укрепили сложившуюся дворянскую фронду против представителей коронной власти. Новому губернатору предстояло решить либо стать марионеткой в руках дворянской группировки, либо вернуть себе власть «вверенной губернии». Нилов изначально был настроен на активное сопротивление. Его действия были направлены против лидеров «дворянской партии» – председателя следственной комиссии и губернского предводителя.

Судьба Временной казанской комиссии была решена 15 апреля 1822 г. после обсуждения на Комитете министров донесения П.А. Нилова «О беспорядках и злоупотреблений по Казанской губернии»²³. Через четыре месяца она была официально ликвидирована. Губернатору удалось организовать досрочное переизбрание губернского предводителя дворянства. Нилов обвинил Киселева в подозрении во взятках, отдаче в рекруты чужих людей и нецелесообразную растрату пожертвованных дворянством денег. Подобные меры не способствовали умиротворению отношений с местным дворянством. Конфронтация лишь усилилась, не прекращался поток жалоб на поступки и поведение начальника губернии. Для разрешения сложившейся ситуации в Казань был направлен сенатор В.Ю. Соймонов. Верховная власть наделила его генерал-губернаторскими полномочиями. Но у губернатора с новым начальником отношения не сложились. После долгих разбирательств решением Комитета министров он был уволен от занимаемой должности.

Реконструкция обстоятельств увольнения казанских гражданских губернаторов убедила, что в конфликт казанского губернского дворянства с представителями коронной власти были вовлечены широкие слои местного населения. В качестве свидетелей, обвинителей, ответчиков в выявленных документах фигурируют разные категории крестьян, городские ремесленники, рекруты и их родители, нижние воинские чины, губернские чиновники, преподаватели учебных заведений, представители губернского дворянства и их петербургские покровители. Все вместе они образуют паутину социальных коммуникаций, которая приходила в действие и была эффективной в руках людей, знающих её логику. Специфика исследуемого мною времени и места состояла в том, что у казанского дворянства было не только желание свергнуть присланного «варя-

²³ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 289. Л. 350–413.

га», но и возможность сделать это посредством достаточно профессиональных самостоятельных «адвокатов».

Поимённый список «казанских ябедников» был зафиксирован в именном указе 1806 г. «О писании прошений по делам всякого рода в судебные места...»²⁴. Этот указной прецедент был спровоцирован «беспорядками, происходящими в Казанской губернии от разных ябедников, высланных по отрешении от должностей из Вятки и из других мест там скопившихся». Находящиеся под следствием вятские чиновники, в поисках заработка, вынуждены были перебираться в соседнюю губернию. Казань отличалась полиэтничным составом населения. Не знающие русской грамоты «иностранцы» для составления официальных бумаг были вынуждены обращаться с просьбами к платным посредникам. Как правило, такие услуги оказывались находящиеся под судом бывшие чиновники. Ябедничество для этого люда превратилось в постоянный источник доходов. О масштабах этого явления можно судить по факту появления специального указа о прекращении анонимного доносительства. Гласности и «распубликованию» были преданы фамилии пятнадцати самых злостных ябедников.

Организатором и успешным владельцем уникальной «адвокатской» конторы в Казани в начале 20-х гг. был бывший канцелярист Михаил Иванов. Собирая сплетни, письменные показания и даже клочки бумаг, выброшенных из присутственных мест, он и его служащие творили обвинения, используя формулировки, на которые реагировали надзорные органы власти. Контора успешно вела десятки «ябеднических дел» внутри и за пределами Казанской губернии. По одиннадцати из них были вынесены сенатские приговоры.

В 1813 г. будущий частный поверенный служил в Мамадышском земском суде. Тогда «за отпуск присланных из волости колодников и уничтожение всех документов о них, а также за собиранье с поселян обманом денег» он впервые попал под суд, но был освобождён по амнистии 1814 года. В том же году на него было заведено новое дело. В 1815 г. по приговору Сената М. Иванова должны были выслать в Сибирь, но он был оставлен в Казани до окончания дела «о злоупотреблениях чиновников Казанской губернии», возбужденного по его же ходатайствам²⁵. В течение следующих пяти лет бывший канцелярист завалил доносами все пра-

²⁴ ПСЗ-1. № 22076.

²⁵ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 653. Л. 199об; Оп. 2. Д. 45. Л. 1-7.

вительственные инстанции. Сам же, находясь под судом, нигде не служил, был преуспевающим дельцом, жил обеспечено, имел богатый выезд и составил тяжёлыми делами крепкое состояние.

Поначалу его обвинения носили частный характер, но, получив соответствующий заказ от местных аристократов, он стал методично добавлять, что у «всех таковых беспорядков и прочих злоупотреблений есть действующие лица – губернский советник Москагильников и губернский прокурор Овцын». Это были ближайшие помощники казанского губернатора И.А. Толстого. Следующая волна сообщений пополнилась сведениями о том, «что вообще в Казанской губернии происходят величайшие злоупотребления по постройке мостов, верстовых столбов, этапных казематов и по рекрутскому набору». С годами воронка его обвинений расширялась, и в неё всё глубже втягивалось губернское правление во главе с его начальником.

Не вдаваясь в делопроизводственную рутину дознаний, отметим, что П.А. Нилову всё же удалось доказать лживость доносов отставного канцеляриста. 4 апреля 1821 г. Казанская палата уголовного суда приговорила Михаила Иванова (судившегося в ней десять раз) к наказанию плетьюми и отдаче в сибирские полки²⁶. Но реализация этого решения была вновь отсрочена под предлогом рассмотрения участия осуждённого по следственным делам ревизии Сената. То были происки сторонников дворянской оппозиции. И только прямое обращение губернатора к министру внутренних дел с просьбой положить конец этой истории «во исполнение для полезного примера и искоренения в Казани ябедников», привело к появлению решения Комитета министров от 20 июня 1822 г. о высылке Иванова на поселение в Томскую губернию²⁷.

Разрешить паралич власти в Казанской губернии и восстановить престиж губернаторской должности верховная власть смогла только к началу 30-х гг. XIX в., возвратив институт военных губернаторов, уничтожив практику общественных доносов, установив контроль посредством жандармских офицеров и повысив социальный статус назначаемого чиновника (отбирая их из кандидатов более высоких чинов и улучшая их материальное обеспечение)²⁸.

²⁶ НА РГ. Ф. 168. Оп. 1. Д. 653. Л. 142.

²⁷ Там же. Д. 835. Л. 5.

²⁸ Подр. см.: Бикташева А.Н. Казанские губернаторы в диалогах властей (первая половина XIX). Казань, 2008.